

АННА ЧУДИНОВА

ФИЛЬКИНА
КРУЧА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-84

Редактор серии *К. Буянова*
Оформление серии *Е. Петровой*

Чудинова, Анна Юрьевна.
Ч-84 Филькина круча : [роман] / Анна Чудинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с

ISBN 978-5-04-204263-8

В одном уральском городе есть небольшая рощица со странным круглым домиком — Филькина круча. Дети это место обожают, а взрослые его сторонятся, потому что о нем ходит недобрая молва.

Говорят, во время Гражданской войны здесь врачевал знахарь Филька, пока однажды не случилось кое-что страшное. С тех пор это место «заражает» своей тайной всех, кто оказывается рядом.

Теряющая память учительница, мальчик, который слышит голоса, озверевший от страсти почтальон, священник, не принимающий свой дар, три друга, связанные предательством, — каждый испытает на себе влияние Филькиной кручи.

И никто не останется прежним.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204263-8

© А. Чудинова, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Памяти папы

1. Доченька

Она вздрогнула. Сердце сжала невидимая костлявая лапа и тут же отпустила. В голове, точь-в-точь как в фильме про ее любимого Терминатора, включилась операционная система и, продравшись сквозь красную рябь помех, запустила режим бодрствования. Она приоткрыла веки. Яркие лучи лезли в глаза, застревали радужными искорками в ресницах. Она потрогала себя: ночная рубашка промокла насквозь. Высунув ногу из-под толстого одеяла, она посмотрела на источник света. Пластиковая рама евроокна была приотворена, в тонкую щель сочился густой запах весны, напитанный ароматами земляного пара и талой свежести. Птицы щебетали как потерпевшие. Какие странные ручки на окнах? Угольно-черные. Интересно, когда они поменяли рамы? Может, она что-то опять сломала, и Наташа отдала все накопления на новую фурнитуру? Но как же... А Бориске демисезонный костюмчик?..

Дальше в голове будто кто-то резко сорвал стоп-кран, и обрывки воспоминаний, летевшие друг на друга, стали с визгом и скрипом тормозить, обмякать от встречных ударов и разлетаться по дальним углам сознания. Очертания комнаты внезапно поплыли, словно акварельный рисунок, на который плеснули воды. Она машинально потянулась влево, рука нащу-

пала тумбу. В кисть знакомо вложились очки. Через толстые стекла в элегантной металлической оправе она наконец увидела, что находится в совершенно не знакомой ей обстановке. Легкий, едва слышный выкрик сорвался с губ, она привстала, оглянулась — в глянце лакированной спинки дубовой кровати на нее смотрела взволнованная седая женщина в очках. Боже, что это? Она потянулась к кривому отражению, но тут же отдернула руку. Тронула волосы. Пушистые и короткие, они щекотали ладони. Когда она так коротко остриглась? В разметавшихся по памяти воспоминаниях она попыталась отыскать кадры, где под быстрое лязганье парикмахерских ножниц на пол летят пряди седых волос, и не смогла. Но вот Наташа... ее дочь... она же должна знать? И Бориска помнит наверняка, когда она подстриглась... Точно же! Бориска — внучок. Значит, она бабушка, баба... баба... кто? Она вспомнила, что ее зовут Алиса. Алиса Федоровна.

Она села на кровати и осмотрелась. Взгляд медленно ощупывал незнакомую комнату. От холодного бетона стен ее отделяли самые обычные кремовые обои с розами в ромбах, такие можно было встретить почти в каждой квартире. В углу, не стесняясь своей несовременности, монолитом возвышался светло-коричневый шифоньер от чешского гарнитура. Таким громадинам всегда не хватало места в основной комнате, за что их ссылали в другие, меньшие комнаты, как, например, в эту маленькую спальню.

Добрую половину пола закрывал красно-зеленый ковер, на котором, скорее всего, вот уже много десятков

лет цвели мохнатые цветы. В слежавшийся, заскорузлый ворс впивались четыре ножки кресла. Спинка его выцвела до грязно-бурого оттенка, а на подлокотниках облупился лак, обнажая мягкое нутро дерева. Уюта комнатухе добавляли картины с оленями и водопадами, небольшой тихий прямоугольник современного плоского телевизора и старенький комод с ручками-дракончиками, которые тянули черные металлические хвосты к своим раскрытым пастьям.

Основания думать, что это чужая квартира, у нее не было. Здесь было для нее все таким знакомым и понятным. Да, у них были и такие же картины, и шифоньер, и комод, и, боже, да, такое же кресло, но чувство, что она не дома, и все, что она видит вокруг, не имеет к ней никакого отношения, проникало все глубже в грудь. Как же она тогда оказалась здесь? Да мало ли! Может, за то время, пока у нее был провал в памяти, а в ее возрасте это вполне вероятно, они с Наташей и Борей просто куда-то переехали. Стало быть, это не квартира чужая, а она сама оказалась здесь чужая? Она просто забыла, как сюда попала. Надо обязательно попросить Наташу отвести ее к доктору, чтобы тот выписал таблетки для памяти. Ведь есть же такие, и она даже вроде такие пила! И все исправится, починится, образуется, вспомнится.

Взгляд упал на фотографию на комод. В позолоченной рамке с виноградными лозами стоял снимок двух женщин. Во взрослой Алиса Федоровна узнала себя. С красиво уложенным серебристым каре и в очках поверх немного уставших, но смеющихся голубых глаз. Ее

спутница была моложе. Сколько же ей лет? Тридцать или тридцать пять? С длинными пегими волосами и задорной вьющейся челкой, она была невероятно притягательной и манящей. Про таких говорят: «В самом соку». И действительно, время будто сжаливается над женщинами в этом возрасте, уходит в загул, позволяя полностью раскрывшимся розам перед неотвратимым увяданием быть намного желаннее и красивее, чем их юные сестры. Глаза девушки были чуть раскосыми, а широкая улыбка, обнажающая десны и два ряда мелких зубов с щербинкой между верхними резцами, обескураживала. Нет, не отторгала, но немного смущала, как если бы человек увидел у собеседника выправившуюся бретельку нижнего белья или дырку на одежде на самом видном месте.

Алиса Федоровна тоже улыбалась и нежно придерживала за руку обнимающую ее со спины незнакомку. Словно мать и дочь. Но это точно была не Наташа. Кто же это тогда?

Алиса Федоровна спустила ноги с кровати, и ступни тут же проскользнули в остывшие за ночь домашние туфли, заняв привычно удобное положение внутри. Она глянула вниз — в клетчатых тапках со скругленными носами и оторочкой из грубой овечьей шерсти торчали ее худые, щедро усыпанные крошками пигментных пятен ноги. Эти куриные лапки показались Алисе Федоровне настолько чужими и страшными, что она тут же зажала рот ладонью, не давая громкому крику вырваться наружу. Пометавшись в голове, он не нашел другого выхода, кроме как скатиться крупными

слезинками по впалым морщинистым щекам. Нужно было что-то делать, выяснить, в конце концов, куда она попала? Алиса Федоровна встала и, немного постояв в нерешительности у кровати, дошла до кресла и сняла с ручки ярко-желтый махровый халат. На нагрудном кармане золотыми буквами блестела вышитая надпись: «Мамуля».

Накинув халат, Алиса Федоровна подошла к окну: какой же очаровательный вид! Из оживающей от спячки охряной земли повылуплялись первые домики. Большие и маленькие, ровненькие и косонькие. Стоят, млеют, дышат весной. Скинули со своих крыш высокие снежные шапки, проветривают покатые и плоские головы. Между домами — деревья, набухшие, черные, готовые прорваться соком и зеленью. А дальше за жилым частным сектором — широкий рыжий мазок предозерной болотистой осоки, торчащей кудлатой щеткой. И все это обрамляет, словно белой пушистой шалью, полотно озера, которое еще не порвал по швам ледоход. С Наташей и Бориской они точно жили намного ниже, и такого чудесного вида за окном не было.

Дышалось легко и зябко. Она запахла сильнее халат и подвязалась поясом. Оперлась на комод. Кожа ладоней радостно встретила шершавую поверхность. Странно, но это ощущение было знакомым, будто родным... Она закрыла глаза, подставляя лицо жарким солнечным языкам. Провела по комоду рукой.

В голове загалдели, захлопали крыльями, заготовали чайки. Парной морской воздух зачекотал ноздри. Она крепче сжала руку Наташеньки, держащей розовое об-

лако сахарной ваты, и поволокла ее вперед. Нужно было успеть до того, как прогулочный пароходик отправится на экскурсию, на которую они купили билеты.

— Мама, но куда же...

— Давай быстрее ешь свою вату! Не успеем ведь.

— Мама, а ослик? — девочка захныкала.

— Боже, ну что за ребенок!

Она задержала головой в разные стороны, чтобы отыскать загорелое и высохшее, словно изюмина, лицо хозяина ослика. Грустное животное подрабатывало на набережной моделью для фотокарточек. Она сунула в урну палку с остатками сладких сахарных нитей и махнула наконец отыскивавшемуся мужчине. Подбежав к тантамареске с изображением двух пальм с кокосами на фоне моря, она быстро посадила девочку на спину ушастого копытного. Наташенька взвизгнула от удовольствия, вцепившись в жилистую теплую шею серого осла.

— Оп! — только и успела услышать она, как из затвора фотоаппарата вылетала птичка, унося в лазурные небеса Адлера робкую детскую улыбку.

Басом загудел отчаливающий пароходик.

— Боже, бежим! — заорала она, стянула с седла обмякшую дочку и побежала с ней на руках к пристани. Добравшись до причала, она встала как вкопанная. Белый кораблик с красными бубликами спасательных кругов на бортах плавно выворачивал к центру залива, чтобы выйти в море. Она глянула вниз, под ноги. Носки ее босоножек высунулись с края доски причала и смотрели, как мутная празелень воды с белыми пятнами

прибрежного сора и мелкими клочками пены покачивала на своей поверхности битое солнце. Она вздохнула, подняла голову и поймала краем глаза укутавшиеся в плотные ватные облака вершушки гор. Теплый морской ветер развеивал ее волосы, ласкал голые плечи, выдувал из нее разочарование и ярость. Она закрыла глаза и почувствовала маленькую потную ладонь дочери, крепко державшую ее за руку.

— Мамочка, не расстраивайся! — дернула ее Наташенька. — Давай поедем на следующем?

Ей нечего было сказать дочери или это было не так уж и важно, поэтому она мягко улыбнулась и повела ребенка обратно по набережной. В тот день они больше никуда не поехали, просто гуляли до вечера, болтали, лопали любимые Наташины морские камушки, купались и были счастливы, как никогда до и после.

Фотография с осликом всегда висела на трюмо у кровати. Алиса Федоровна резко открыла глаза и обернулась. Никакого трюмо с фотографией у кровати и в помине не было. Стильная низенькая тумба с двумя выдвижными ящиками, а сверху — маленькая настольная лампа и футляр для очков. Никому, даже Наташе, она не разрешала трогать эту фотографию.

— Ма-а-ам! — услышала она из-за двери совершенно незнакомый высокий женский голос. — Ты встала?

Она схватилась одной рукой за сердце, а второй за комод. Удары в висках оглушали ее. Что же делать? Почему эта женщина за дверью называет ее мамой? Она снова глубоко вдохнула и, развернувшись обратно

к окну, взялась за гладкую черную ручку и с силой захлопнула форточку.

— Ага, прикрой окно и пошли завтракать! Все уже готово!

Алиса Федоровна шла по темному коридору, держась за стену. Липкое чувство ужаса оттого, что она не у себя дома, обострялось тем, что рука, наоборот, помнила поверхности, к которым она прикасалась. Дышать было тяжело, сердце гулко стучало, а на голову будто напал студенистый шлем. Она то и дело останавливалась, крепче прижимая ладонь к стене. Оставался один шаг — и она уже будет на пороге кухни. В том, что в конце коридора будет кухня, она не сомневалась. Это была квартира типовой планировки, где кухня располагалась рядом с входной дверью. Вдобавок из той комнаты, к которой она направлялась, вкусно пахло поджаренными тостами. Последний шаг ей дался невероятно трудно. Нога никак не отрывалась от пола, как бывает во сне. Вцепившись узловатыми пальцами в косяк двери и закрыв глаза, невероятным усилием воли Алиса Федоровна вытолкнула свое тело на яркий свет.

У столешницы спиной к ней стояла женщина с собранными на затылке волосами и что-то бодро рубила кухонным ножом. По радио пел какой-то современный исполнитель. Женщина приплясывала и подпевала ему. В коротком халатике и босая, она была ей абсолютно не знакома. Кто же это? Может, соседка? Какая глупость! Чего бы соседка хозяйничала тут на кухне?

Может, просто попросить эту женщину о помощи? Например, отвезти ее домой... Алису Федоровну так воодушевила эта мысль, что она захотела скорее обозначить себя на кухне, но слова так сильно прилипли изнутри к горлу, что с порывом воздуха из ее рта вырвался не голос, а сдавленный кашель.

— Доброе утро! — Незнакомка обернулась. Это была она! Девушка с фотографии. — Mam, ты зачем опять спала с открытым окном? Теперь вот кашляешь. — Ее тон был совсем не строгим, скорее обеспокоенным за дорогого близкого человека. Девушка улыбнулась и пошла к ней. Незнакомка надвигалась, словно в замедленной съемке. Глыба, торчащая из толщи воды, аккуратно, но верно шла прямо на нее, и, как бы Алиса Федоровна ни убегала, ни поворачивала, ни уклонялась, она знала, что глыба ее настигнет, подомнет под себя, не оставив ей ни клочка свободного пространства. За миллиметр до столкновения с раскрытыми объятиями, готовыми принять ее заблудшую душу, Алиса Федоровна истошно заорала.

— Mam! — Молодая женщина отшатнулась от нее. — Ты что?

Алиса Федоровна не отвечала и не поднимала глаз.

— Mam, ты в порядке? Ты вся дрожишь!

Алиса Федоровна не могла пошевелить языком. Зажмурилась и яростно замотала головой.

— Что? Что? Ответь мне! Что такое? Mam!

Она не знала, не знала, не знала! Как сказать...

— Mam! — голос молодой женщины дрогнул звонкой ноткой. Она схватила Алису Федоровну за руки